

ВАЛЕРИЙ ГУРОВ

Путь чемпиона

Валерий Гуров
Чемпион. Том 1

«Автор»

2024

Гуров В.

Чемпион. Том 1 / В. Гуров — «Автор», 2024 — (Путь чемпиона)

Нелепая смерть на ринге в шаге от подписания в лучшую бойцовскую лигу мира. Тяжеловес с рекордом «17-0» попадает в тело школьника-толстяка - Сашки Пельмененко по прозвищу Пельмень. Идет 1991 год, лето. Путь чемпиона начинается заново... Содержит нецензурную брань

© Гуров В., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	32
Глава 6	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Валерий Гуров

Чемпион

Том 1

Пролог

*«Мне не до смеха, куда приехал?
Отель, багаж, очки, аптека, вечером —
Дискотека.»*

*Стас Костюшкин. Наши дни, номерной турнир
популярного промоушена MMA.*

– Дамы и господа, бой по правилам смешанных единоборств, 3 раунда по 5 минут. Представляю участников главного боя вечера!

Ринг-анонсер в пиджаке в цветочек, расплылся из центра ринга.

Слюни летят.

Глаза на выкат.

Вокруг перемещались десятки камер.

В зале собралось тысячи зрителей.

– Встречайте, в красном углу ринга!

Яркий свет прожекторов выхватил бойца крупным планом.

– Бойцу двадцать пять лет, рост 198 сантиметров, вес 107 килограммов. Претендент на титул с 17 победами нокаутами в первом раунде. Поприветствуем Александр «Зверь из преисподней» Федор-ров! Александр шагнул вперед, коснулся своим кулаком кулака ринг-анонсера.

– Как дела, мужик?

– Заберу бой и в UFC.

Александр вернулся в угол, разминая шею и ударяя перчатками.

Представили оппонента, боец из синего угла грозился постелить красную дорожку к титулу кровью своих противников.

– Бойцы на середину!

Рефери хлопнул в ладоши. Подошли в центр ринга. Соперник пожирает Сашу взглядом, показывает капю с надписью: Fuck.

Александр сосредоточенный. Он знает, что соперник откажется жать руку. Ждет гонга, чтобы его нокаутировать на первой минуте боя. Вот тогда и будет fuck. Мешок, че.

– Парни, вы профессионалы, – рефери поочередно смотрел на бойцов. – Внимательно слушаем мои команды, правила знаем и не нарушаем. Покажите красивый, а главное честный бой! Руки пожали. По углам!

Раздался гонг.

Руки жать не стали.

А потом случилось жуткое. При первом резком движении, Саша поскользнулся и потерял равновесие – конвас ринга плохо вытерли после крайней схватки легковесов.

Саша попятился, руки в стороны.

Борода открыта.

Туда и прилетело летящее колено, прямехонько в орбитальную кость.

Удар стокилограммовой горы мышц.

Нокаут.

Снесло, как грузовиком.

Аля улю.

Яркий свет в конце тоннеля...

...Пространство кружилось и вертелось, тысячу раз перевернулось, а потом Сашу со всего маху впечатало в новую реальность.

Ощущение... ну с чем сравнить – будто кто-то подошёл сзади и натянул трусы, которые вонзились в задницу и защемили яйца.

Жмурится.

Он больше не стоит на ринге, бой всей жизни закончен. Контракта с UFC не видать, как своих ушей.

Прислушивается.

И слышит песню времён молодости его родителей:

Ю май хат, Ю май соул...

Английский Саша знает очень хорошо, много занимался, мечтал попасть на подкаст к Джо Рогану. Но сейчас текст песни сливается в набор едва понятных звуков.

Как будто все его знания – раз, и улетучились.

А потом пришло отчетливое понимание, что никакой он больше не Саша, ну по крайней мере не Александр Федоров. По велению судьбы, после brutального нокаута, его сознание переместилось в тело какого-то толстого паренька... Теперь он – ученик средней общеобразовательной школы некий Санька Пельмененко. Вроде как скромный и застенчивый парень, которому одноклассники дали обидное прозвище Пельмень. Разговаривает Пельмень таким голосом, будто ему на яйца наступили и это при ста тридцати килограммах веса.

Правда лишнего.

И попал Александр Фёдоров, вернее теперь уже Сашка Пельмененко прямиком на школьную дискотеку.

Идёт 1991 год.

Играет легендарный хит Modern talking.

А Пельменя прямо сейчас как бы так выразиться, чтобы понятней – его «напрягает» одноклассник, как местную школьную «достопримечательность» и махрового лоха. Рома Прокофьев по прозвищу Глиста с «выдающейся» комплекцией, основанной на шестидесяти с хвостиком килограммах веса.

Глиста, кстати, на самом деле натянул Пельменю трусы на уши перед девчонками.

Ну что ж... исходные данные более чем понятны.

Глава 1

*«А при коммунизме всё будет за*бись
Он наступит скоро – надо только подождать
Там всё будет бесплатно, там всё будет в кайф
Там наверное ваще не надо будет умирать».*

Гражданская оборона

– Слышь, Пельмень деньги гони!

Рома Глиста ужом извивался вокруг Саши, не зная как бы ещё его того поддеть. И трусы натянул, и по щеке ладонью похлопал, и в живот пальцем потыкал, за жиры помял.

– Нахожу бабло – в лицо бью? – не успокаивался Глиста.

Бессмертный по ходу.

Саня с ноги на ногу переступил, осваиваясь.

Шею размял.

За разговором наблюдали три зачётные самочки-одноклассницы, стоят чуть в сторонке. И Пельмень смутно припомнил, что одна из красавиц – Светка Кулакова, нравилась ему (теперь уже ЕМУ) с начальных классов. Так вот, Светка с тремя подругами курили и поглядывали за кипишом.

Ромка встретил Сашу у входа на дискотеку, отвёл за угол в «курилку» под локоток и как обычно вытряхивал с одноклассника бабла «на пивко». Все полагали, что Пельмень привычно помычит, а потом вывернет карманы. Ну а Ромка купит на честный заработок бухлишка, напоит Светку с подругами и попытается кому-нибудь всунуть. Смутно припомнилось – ходили слухи, будто Глиста первым из пацанов «влез на бабу», ещё летом между седьмым и восьмым классами.

И сделала «сосамбу» ему как раз Светка.

Так вот.

Черт с ней с девственностью Глисты, но описываемый расклад по миграции бабла из кармана в карман, устраивал стороны. Пельмень отдавал деньги, ту часть, по крайней мере, которую откладывал в карманы брюк (некоторую сумму, как припоминал Саша, бывший хозяин этого тела, прятал себе в трусы между булками толстой жопы). Ромка и девчонки получали копеечку, которая никогда не бывает лишней. А потом все расходились, ну в смысле до встречи в следующей раз. Но надо ли говорить, что такой расклад не устраивал профессионального бойца «Зверя и преисподней»? Александр Фёдоров, теперь уже Пельмень, в прошлой жизни не привыкший, чтобы с ним разговаривали в таком духе, принял единственно возможное решение.

В бороду Ромке Глисту полетел левый боковой.

Ну типа – правый коронный, левый похоронный, как говаривали бойцы.

Что «что-то» не так, Пельмень понял сразу. Это был и не удар вовсе, а так некоторый непонятный высер, за время которого Александр в прежнем теле успел бы отжаться с десятков раз...

Ромка Глиста легко увернулся от удара. Саня запоздало припомнил по прежней памяти – Глиста то боксёр, разрядник по юношам.

– Кия!

Вот это вот «кия» – это был звук, с которым нога Глиста, обутая в сандалий с твёрдой подошвой, проткнула огромное и рыхлое пузо Пельменя. Пробить «броню» удар не пробил, но попал прямо в солнышко.

Содрогнулись жиры.

И в следующий миг огромная сто тридцати килограммовая туша безобидного мальчика осела на пятую точку, хватая ртом воздух.

Глиста прыгал перед ним в челноке.

– Вставай, че вставай, я тебе пропишу!

Саша видел удар этого придурка и будь он в своей прежней кондиции, то сто раз успел бы от него уклониться. Потом схватить Ромку за ногу, скрутить в бараний рог, а сандалию запихать Глисте в жопу в профилактических целях. Однако от прежней формы не осталось и следа. Этот мальчик, огромный и неповоротливый, вряд ли мог ходить без отдышки, какой там уклониться от удара.

Прочувствовав тычок Ромки всеми своими легкими, Пельмень сидел на жопе и хватал ртом воздух с широко выпученными глазами. Своей беспомощности Пельмень малостью охрепел.

На глаза навернулись слёзы.

И в любое другое время, мальчик бы наверняка расплакался. Но теперь Пельмень не за что не мог позволить себе детскую блажь и стиснув зубы, начал активно шевелить носом, сдерживая слёзы.

Ещё чего не хватало!

Его порой на спаррингах так в настил втыкали местные «хабибы», что мама не горюй. И ничего.

А тут...

Манипуляции живо отразились на его лице, которое итак выглядело глуповато.

И блин, как не кстати одна из монет надёжно (как казалось) вставленная в Сашину жопу, вывалилась и выкатилась из штанины.

Глиста поднял монетку, но тут же выронил, почувствовав навязчивый запах дерьма.

– Фу блин, Пельмененко, ты че ее засунул себе в задницу! – Ромка брезгливо вытер руку о землю.

– На пиво тебе берег... – прошипел Пельмень.

Девчонки озорно хихикали, у лошка голосок прорезался. Но ради галочки-такипожурили Глисту.

– Рома, не трожь Сашеньку, – всплеснула руками Светка и потушила свой окурок, выкуранный до фильтра. – Пойдём.

Света.

Звезда минета, блин, подумал Пельмень, вспомнив бородатую дразнилку.

Рома, впрочем, трогать никого не собирался. Прыгать в челноке перестал. Подначивать тоже. Видать сам малость струхнул, что после удара у толстяка глаза вылезли на лоб и началось кислородное голодание. Но по карманам своими шаловливыми ручками прошёлся, как будто так и надо. Монету, вывалившуюся из штанины, подымать не стал.

Пельмень сидел, держась руками за грудь и сипло дыша, когда компашка ушла из «курилки».

Потрескивал уличный фонарь.

Modern talking в актовом зале сменил Ласковый май.

Детство, детство, ты куда бежишь,
Детство, детство, ты куда спешишь,
Не наигрался я ещё с тобой,

Детство, детство, ты куда, постой.

Зашибись, че.

Саша заставил себя подняться на корточках, сделал несколько резких выдохов, пытаясь восстановить дыхание. Почувствовал, как неприятно прилипли трусы к булкам... этого только не хватало. Быть избитым под Шатунова на школьной дискотеке дистрофиком, да ещё и обосраться – хреново началась жизнь в новом теле, что ещё сказать.

В этот момент из-за угла школы вывернули сразу две фигуры. Одна принадлежала однокласснице Пельменя – Зое Калашниковой. Заучка и ботанша, почему-то ходившая в мужских туфлях на два размера больше ее ноги и в дурацком берете, который становился ещё более дурацким, когда она надевала свои очки с линзами в палец толщиной. Вторая фигура принадлежала завучу по воспитательной работе Тамаре Константиновне, которую Зоя вела к «месту преступления» едва ли не за руку и не силком. Завуч была молодой женщиной, с хорошей такой грудью, пусть не упругой, но крепкого третьего размера и жопой на отлёт. Правда эти несомненные таланты частично скрывались под невнятным серым костюмом советского покроя.

– Прокофьев избил Пельмененко, Тамара Константиновна, – отчеканила заучка. – Мы должны немедленно позвонить в милицию! Что это за человек такой не хороший!

Тамара Константиновна подошла к Пельменю.

– Саша, как ты себя чувствуешь? – она наклонилась над ним и внимательно осмотрела. – Зоя говорит правду – тебя побил Прокофьев?

Саша, хоть ещё и не пришёл в себя, воспользовался этой возможностью, чтобы разглядеть «холмики» завуча поближе и пришёл к выводу, что первоначальная его оценка в корне неверна. Тут полноценный четвёртый размер. Сиськи отлётные.

Сглотнул. Облизнул губы.

И поднялся от греха подальше, отряхивая зад от уличной пыли. Перепачкался, зато сзади не видно размытое коричневое пятнышко в межбулочном пространстве.

Майка вздыбилась до пупка, живот торчит, бока выпирают.

– Упал, Тамара Константиновна. Никто меня не бил, – понятно, что выдавать Глисту, а тем более стучать ментам, не стоило. С Прокофьевым они ещё разберутся чуточку позже. Всеми своё время.

– Упал? – уточнила завуч с недоверием в голосе.

– Агась.

– И что тебя ноги не держат?

– Тамара Константиновна, я видел, как Рома ударил его ногой в живот, – затарахтела Зоя. – Пельмененко, не надо его тут выгораживать. Понял меня?

– Так... – Завуч скрестила руки на груди. – Ну ка, иди сюда. Упал он... а ну дыхни!

– Тамара Константиновна, ну хорош...

– Дыхни, кому говорю!

Пельмень дыхнул – всем своим луко-чесночным смрадом (прежний Пельмененко отчего-то не считал нужным чистить зубы и жрал все подряд), чем слегка сбил завуча с толку.

– Понятно, – сказала Тамара Константиновна. – Ты выпил! И чесноком думал заесть. А у меня нюх на это дело!

– Ну выпил чуток, – лениво признался Сашка, смутно припомнив, что Пельмененко действительно накатило «для смелости» крышечку самогонки из отцовского серванта. – Че не так то? Вам не налил?

Кстати, помимо алкоголя, Пельмень прежний вкупе баловался сигаретками и на дискотеку стащил у бати из пачки пару сигарок – «Наша марка». Обе сигаретки сейчас валялись на земле, удивительно, что Тамара Константиновна не заметила и Глиста не прикарманил. Хотя курить «марку» – это для извращенцев удовольствие, на самом то деле.

– Выпи-и-ил?! – Зоя вытаращила глаза, которые без того были у неё большими, а из-за очков, так вообще жуть.

Выглядела она так, как будто услышала, что Саша человека убил. Сама то небось – ни капли в рот, ни сантиметра в жопу.

– Так, я сейчас позвоню твоему отцу и родителям Прокофьева! Ты посмотри развеи тут не пойми чего, балаган устроили. Стой здесь, Пельмененко! Будем разбираться! Негодники...

Тамара Константиновна развернулась на своих каблучках и зацокала в школу, чтобы оттуда позвонить родителям. Мобильников то ещё нет. Сашка, приподняв бровь, проводил училку взглядом – пердак у Томочки тоже ничего.

Зоя осталась и несколько секунд продолжала тарашиться на Пельменя, а потом всплеснула руками.

– Вот ты... ты... папа бы мой сказал, что ты – редиска! – заявила она в сердцах. – А мой папа знает в людях толк! Защищай ещё его, да пусть Прокофьев хоть избьет тебя, не влезу! Наглый такой стал!

– Да ладно, малая, выдыхай, – Пельмень, желая поскорее избавиться от навязчивого общества тупой малолетки, добавил. – Иди поцелую на прощание. В засос.

– Малая?! – глаза Зои округлились. – Это я то? Я вообще то старше тебя на полтора месяца. Хамло!

Девчонка отчего-то никак не прокомментировала слова о поцелуе, видать это привело ее в ужас. Развернулась и побежала из «курилки».

Пельмень проводил ее взглядом. Тут, правда не на что особо смотреть, в отличие от Тамары Константиновны. Фанера малолетняя.

Ждать пап или мам Пельмень разумеется не стал. Да и желание идти на дискотеку пропало разом. Штаны грязные, весь мокрый – рубашка прилипла, лицо красное. На жопе – расплылось пятно. И на груди отпечатался след подошвы сандалия Глисты. Какая в таком виде дискотека?

Не найдя ничего лучше, он поплёлся домой, припомнив свой адрес. Идти отсюда минут пятнадцать, если неспешно телепать.

А там – помыться.

Переодеться.

Ну и будем смотреть, что делать с новой реальностью, обрушившей на нашего героя свои своды.

Глава 2

*«Вчера поймал я два потрёпанных гондона
Они унылые висели на крючке
Опять у бабы у своей просил пардона
Что ничего ей не принёс в пустом мешке
Эх хвост, чеузя, я не понял ничего».*

Вилли Токарев.

* * *

Привыкнуть к новому телу оказалось непросто. Существовали нюансы, для бывшего профессионального спортсмена неочевидные. Достаточно привести пару «мелочей», с которыми Саша столкнулся в первые часы пребывания в «физической оболочке» жиртреста Пельмененко.

Во-первых, при ходьбе ощущение складывалось такое, будто прешь мешки с цементом на своей спиняке. Лишнего веса школьник нажрал килограммов пятьдесят.

Очень много.

От того, шёл Пельмень неспешно, при малейшей нагрузке (как подъем по лестнице на третий этаж) останавливался. Гулко выдыхал, переживал головокружение. Из-за лишних килограмм – здравствуй вегетососудистая дистония. Потому на каждой ступеньке Пельмень выдавал на выдохе:

– Ой бя... ой сука...

И на колено опирался, дабы не скопытнуться в первый же день.

Во-вторых, дома выяснилось, что жопа у Пельменя толком не помещается на стул. И если удаётся усесться, то стул в эту самую жопу больно давит. Из той же категории оказался запрет от родителей сидеть (ещё раз – СИДЕТЬ!) на диване, только лежа. Запрет объяснялся просто – Саша жопой продавливал родительский диван. А ремонт в 1991 мебели – удовольствие не каждому по карману.

Ну и в третьих, самое обидное, в ванной Саша обнаружил, у себя женские висячие сиськи. Женские, блин!

А за животом не видно самого важного – члена! Как Саша не поднимал свой «фартук» и с какой стороны не заглядывал, писюн находился в «мертвой зоне» для обозрения.

Потом обнаружили новые нюансы. Например, невозможность плевать в толчок между ног, когда ходишь покекать (определенных усилий стоило в принципе сесть на очко так, чтобы посередке).

Ну а про то, что сходя в туалет по большому, Саня забивал канализационный ход наглухо – это отдельная история. Срал то школьник как среднего размера гиппопотам.

Другими словами – куча мелочей и не очень, с которыми приходилось считаться. Они, хотел Саня этого или нет, портили жизнь.

Но тело, как известно, словно глина, лепи из него все, что вздумается при должном подходе.

Размышляя, Пельмень сидел за столом и делал уроки. Взрослый мужик под тридцатку, в прошлой жизни давно закончивший школу, снова сел «за парту» и решал прогрессию.

Алгебра.

Будь она трижды неладна.

Не разу не понадобилась в прошлой жизни, а мозги кипятит, что не дай бог.

Выяснилось, что у Саши хвосты. Контрольную завалил, годовую. Не то чтобы Сашу это парило, но он смутно припоминал, что батя грозил Пельменю ремнём, если мальчик останется на второй год. И за парту его усадил прежний инстинкт самосохранения школьника.

Помимо неудобств нового тела и хвостов по алгебре, Саша за несколько часов, узнал кое чего о «самом себе».

Жил мальчик в коммуналке позднего советского периода. Общий душ и туалет, общая кухня, а в придачу противный сосед, доевший варенку, оставленную на кухне перед уходом на дискотеку. Вернувшись, Саня обнаружил банку из-под стущёнки в мусорке.

Вылизал, сука, до блеска на металлических стенках.

Нюансы, связанные с едой или с нычками сигарет, Саша помнил очень хорошо. Для этого даже не приходилось напрягать былую память. Остальное вытаскивал из головы клещами и по крупинкам. Ну а че – зачем Пельменю знать такие «мелочи», как «локация» чистых труселей или зубной щётки? Мылся Саня дай бог раз в неделю, а зубной щётки у него вообще не нашлось (батя подмотал для чистки туфлей, сыну то за не надобностью).

Семья у Пельменя оказалась полноценная и с виду благополучная. В наличии отец, мать и старшая сестра. Вот только копни чуточку глубже и свихнуться можно, как в такой семье жил пацан. С порога Саня обнаружил своего новоявленного батю Игоря Борисыча лежащим посередине комнаты, пьяным в зюзу. Пришлось поднимать тело, укладывать на диван – какой никакой, теперь это его отец. И стремно, когда собственный батя бесхозный валяется. Игорь Борисыч кстати отпахал двадцать лет физруком в одной из местных школ, а потом от нечего делать спился и из системы образования его выперли ногой под зад.

По матери, ее Пельмень не застал, женщина единолично тянула на себе двух взрослых мужиков и такую же взрослую дочь. Вот и пахала на трёх работах без выдоху и продыху. Швея мотористка, продавщица в ларьке и че то там ещё. Женщину, конечно, жалко, потому как попробуй прокорми ораву нахлебников, но жить с Сашиним батей ее никто не заставлял. Как и обеспечивать сестренку Пельменя – Настюху, давно закончившую школу, никуда не поступившую и нигде не работающую. О сестре напоминала фотка на стенке – на ней Пельмень ещё грудной сидел на руках Настьки первоклашки.

Ну и о личном-неприличном тоже вспомнилось. Если Ромка Прокофьев прославился первым сексом в тринадцать, то Пельмень в свои годы оставался девственником, не видевшим голой живую бабу. Саша не удивился, обнаружив под своей кроватью «уголок юного ананиста». Внутри двенадцати листовой тетради в клетку лежали вкладыши из под жвачек с сексапильными барышнями. Ну знаете, такая серия, когда слюнявишь девчонке на вкладыше, а лифчик или трусики о-оп и исчезают. На вкладышах Пельменя нижнее белье отсутствовало как класс, слизанное прежним владельцем тела до дыр...

Глядя на вкладыши с голыми девчатами, Саша впервые смекнул, что новая реальность «слегка» отличается от оригинала. В «настоящем» такие вкладыши появились куда позже развала СССР.

Короче, если сворачиваться, то заключение не утешает – ситуация патовая, врагу не пожелаешь.

Понятно, что наш герой тоже не сразу за чемпионский титул бился и в лучшую бойцовскую лигу мира подписывался. Но «Зверь из преисподней» никогда не был лохом-девственником. Деньги у ребят сбивал – это да. Девственности тоже рано лишился, в восьмом классе. Поэтому в свой первый день Пельмень лихорадочно измышлял, как исправить ситуацию.

Помучившись минут двадцать над алгеброй, перечеркнул свои математические испражнения. На фиг – Эйнштейном ему точно не стать.

Почапал на кухню, к холодильнику, дабы дюже не заморачиваться горем, а заесть.

Оказывается, когда желудок растянут до размера не маленькой головы, сложно отказать себе в желании что-нибудь сожрать. И желательно побольше. На кухне огляделся – заметил на столешнице пустые баллоны и банки, наваренное варенье, целый таз. К консервации на зиму готовилась баба Рита, соседка по коммуналке. Подошёл к тазу со сливовым вареньем. Взял ложку и вычерпнул прямо из таза несколько весел.

Во кайф. Вкусно.

Пока улепётывал варенье заметил стоящую рядом с тазом кастрюлю. Снял крышку и в животе приятно заурчало. Голубцы!

Смотрел на шесть обёрнутых капустой ништяков Саня недолго, бросил ложку, перепачканную в варенье в таз и сожрал половину кастрюли голубцов разом.

Свеженькие такие, остренькие, самый сок.

Остальные вывалил себе в тарелку, и продолжал есть за столом, пляясь перед собой в одну точку.

Соседка Нина, у которой жопа по размеру ничуть не уступала Сашиной готовила что надо и таскала стрепню к ним на кухню с четвёртого этажа. Причина широкого жеста заключалась в том, что Нину в отсутствии матери частенько пер отец Саши, как раз в эту самую жопу. Наверное от того тетя Нина косолапила при ходьбе?

Пельмень отчего-то не удивился, вспомнив, что батя изменяет матушке. Классическая прям семья. Неудивительно, что мальчик в таких условиях снимает стресс за счёт обжираловки, а ещё курит, периодически прибухивает и дробит на наклейки.

Сидя на кухне и доедая шестой голубец подряд, Саша взглянул на своё пузо, напоминавшее поле для гольфа с лункой-пупком.

Однозначно так дальше дело не пойдёт.

Надо двигаться, суетиться, жути наводить или прежняя судьба, закончившаяся нелепым нокаутом, покажется мёдом. Пельмень отодвинул от себя тарелку с недоеденным, но надкусанным голубцом.

Протяжно отрыгнул.

Харе жрать для начала.

С простого начнём.

А то если сложить лапки и скулить, то какая впереди кончина – понятно. Диабет, ожирение, инфаркт и смерть в коммуналке на продавленном диване. Повезёт – найдёт, как отец, бабу с соседнего этажа, будет переть в кладовке, а она ему жратву станет готовить по бартеру. Но тоже не факт – с таким лишним весом скоро перестанет стоять. А как орали Сектор Газа из двора через открытое окно на кухне – «зачем мне мужик без писюна, если много мужиков с писюнами» (вольная трактовка песни Хоя).

Поэтому – первое, что он сделает в новом теле, это избавится от вредных привычек. Придя к такому выводу, Пельмень для надёжности вывалил голубец с тарелки обратно в кастрюлю. Ну чтобы неповадно было.

Дальше – в зал.

Пельмень прежний отродясь не занимался спортом. Поэтому придётся заняться приведением тела в надлежащую форму.

Диета.

Фитнесс.

Все такое.

Саша сжал кулаки, посмотрел на них. Ручки нежненькие, такие скорее сломаешь при ударе куда быстрее, чем сломаешь челюсть противнику, но есть, что есть.

Опыт то не пропёшь, как и морально-волевые, а остальное дело наживное. На опыте и морально-волевых Саня и собирался вывозить весь расклад. Тем более, что Пельмень по своей конституции – природный тяж.

На этом Саня в душевных метаниях пришлось ставить точку. Проснулся отец и верещал из их квартиры благим матом.

Приперся на кухню, пошатываясь, в майке алкашке и широких семейках.

Взглянул на таз с вареньем бабы Риты, поморщился, перевёл взгляд на кастрюлю с голубцами.

– Че там Нинка принесла? – упомянув соседку он беззаботно растер хер указательным и большим пальцами, этой же рукой полез в кастрюлю. – Жрать буду, сын сгоняй за хлебом!

– Без хлеба че, обломится? – спросил Пельмень. – Так ешь.

Идти в хлебный киоск желания не имелось.

– Или у соседей стрельнуть, ты пока сходишь... – слов Пельменя батя не расслышал.

Достал голубец и не думая о том, чтобы взять тарелку, принялся есть, громко чавкая. Не заметил даже, что тот надкусан. Сок голубца сочился по подбородку, капал на ковёр. Впрочем, батю это нисколько не смущало. Чего смущаться – придёт жена, поползает на карачках, уберётся.

Одновременно пошарил по кухне, нашёл хлебницу, достал кусочек белого хлеба. Присоил себе.

– Сын, кстати. Смотрел «Кровавый спорт»? Видел Ван-Дамма? Ничего так боевичок.

Батя встал в боевую стойку, парадирова актёра. По молодости отец Пельменя уважал спорт и даже имел разряд – от того в физруки подался. Хрен его по чем, но имел. Но в стойке с голубцом в одной руке и куском хлеба в другой, он смотрелся по-идиотски.

– Хе!

Батя хотел вдарить по бутылке с подсолнечным маслом на столе, но промахнулся и завалился на пол, едва не перевернув кастрюлю с голубцами.

– Еп твою мать... – процедил батя.

– Че не вывозишь, батя? – хмыкнул Пельмень.

Батя откровенно забавлял.

Несколько секунд Игорь Борисыч сидел на полу на пятой точке, славливая, что произошло. Хлеб не выронил, а вот голубец отлетел под газовую плиту. А потом батя закричал, поднимаясь.

– Это, сын, я че хотел сказать, – он принялся растираться жир от голубца по майке. На груди расплылось пятно. – Тебе бы на карате пойти? Вон жопу отъел, больше чем у Нинки. Мамке скажем, денег выделит и будешь каратист. У меня как раз знакомый секцию открывает. Гена Мороз, помнишь? – говоря эти слова, он махнул на пятна и полез за голубцом, взамен утраченного. – Не понял? А где...

Рука пошарила по дну кастрюли, пальцы выпачкались в жиру – голубцов то больше нема, остальные Сашка сожрал.

Глаза бати, сонные, с лопнувшими капиллярами, округлились.

Он взял кастрюлю, заглянул в неё, перевёл взгляд на Пельменя.

– Охерел?! – взорвался отец. – Опять за своё взялся! Растёт паразит! Вон у Витьки сын, как сын, а ты... Селитер!

Саша с придурковатым и безразличным выражением лица слушал поток, доносящийся изо рта бати. Дождался, когда тому надоест орать. Батя потрезвонил, прошёлся по внешности своего сына, а потом махнул рукой. Желание щелкнуть бате за базар Пельмень подавил – пусть выскажется. Хотя сам такой же паразит. Кто обзывается, сам так называется, если что.

– Иди с глаз долой... за хлебом! Хоть какая-то от тебя польза будет, – резюмировал батя, выпустив пар. – Олуха на свою голову вырастил. Пфу!

Саша остался стоять на месте.

– Че стал? – буркнул батя.

– Денег то на хлеб дай?

– А... Ирка не оставила? – батя нахмурился.

– Так я у тебя прошу. Ты ж посылаешь.

– У меня просит, копейки ещё не заработал, только дай, дай. Просит он...

Папаша зыркнул под ноги Сани, где стояли пустые бутылки из под водки.

– Вон, бутылки сдашь.

Саня спорить не стал. Взял первую попавшуюся авоську на кухне, сложил в неё пустые водочные бутылки и двинулся к выходу. В голову пришло понимание, что батя с хлебом пойдёт на хер, у него итак неплохо получается себя прокормить, шманая соседей. А вот лишней копейкой надо обзавестись. Деньги понадобятся в ближайшее время – если Пельмень хочет записаться в спортивный зал, то в пору обзавестись хотя бы одеждой для тренировок. Своей спортивной одежды у Пельменя не имелось, его в принципе освободили от школьной физры.

– Погодь, сынок, – вдруг остановил Саню батя.

Пельмень обернулся.

– Ты это, купи у дяди Витали чекушечку... ну вместо хлеба, лады? – батя расплылся в придурковатой улыбке. – Матери только не пали контору.

Пельмень улыбнулся.

Мигом так батя подобрел, как речь пошла за то, чтобы сливу залить.

Протянул Сане ещё одну авоську с несколькими литровыми банками и трехлитровым баллоном. Пельмень зыркнул на стол – понятно, останется баба Рита без варенья, тару у неё Игорь Борисыч подмотал. Батя то ещё и мудака оказывается...

– Баночки дяде Виталику сдашь и купи, сынок. Он по два рубля за чекушку просит.

Глава 3

*«Если хулиган пытается тебя достать,
Дразнить, злить, бить, давить и обижать,
Ты не должен кричать ему: Гад!
Ты не должен подключать свои ботинки или
мат...»*

Дискотека Авария

С пятого этажа Пельмень дал пешего. Какая никакая, а нагрузка для нового тела. Правда спускаться с авоськами – удовольствие не из приятных. Уже к третьему этажу Саня приуныл, взмок и тяжело дышал. Звенели пустые водочные бутылки, банки, а сердце выпрыгивало из груди.

На лестничных проемах Саня останавливался, делал взмахи и круговые движения, разгоняя кровь.

В такой форме – далеко не уедешь. Прежде чем приступить к интенсивным тренировкам, надо понять возможности нового тела. Хотя хрена тут непонятного... возможности – нулевые.

На первом этаже, взмыленный Пельмень встретил Сёму. Малолетку с соседней пятиэтажки, сегодня гостившего у бабули. Полтора метра в прыжке, хлюпик, раза в три меньше Пельменя по комплекции. Очки с толстой роговой оправой... И вообще, мальчик походу инвалид: несуразно большая голова, как гелием накачена, ручки длинные чахленькие, торчащий живот приподнимает майку до пупка. Шортики вовсе как семейки Сашиного бати. У Сёмы даже прозвища своего не имелось, припомнил Пельмень – настолько все плохо по жизни складывалось.

Застал Сёму Пельмень за тем, что пацанёнок прилип к стене и какого-то хрена слизывал побелку. У ног его стояла банка с соленьями, за которой Сёму видать послали. Кладовку под лестницей удачно приватизировал его дед (тот вроде как скопытился в прошлом году).

Завидев Пельменя, Сёма вздрогнул, попятился, ну и перевернул банку.

Херак.

Горлышко стукнулось о ступеньки лестницы. По полу растеклись маринованные огурчики, помидорчики и укроп.

– Ой, – Сёма взглянул на «место происшествия» и глазки под очками тотчас намокли. Нижняя губа задрожала, отвисла. – Меня б-б-бабуля у-у-убьёт...

Пельмень помнил, что бабуля у пацаненка – особа крайне категоричная. Из тех, что шли в модификации «боевая», из клана «приподъездная лавочка». Можно предположить, что Сёме крепко достанется по возвращению.

Пельмень, никогда особо не испытывавший чувства сострадания, поначалу ковырялся в носу, нарезая резьбу. Ну и поднялся на ступеньку выше, дабы не выпачкаться в рассоле. Оттуда наблюдал безразлично за ситуацией. Не, че, встрял пацан. Бывает. Жопа просит ремня.

Но потом понял, как осенило, что не останется в стороне и хочет пацану помочь. Как хреново приходится лохам, Саня теперь чувствовал на своей шкуре. И припомнив ощущения во дворе школе, поёжился.

– Не дрейф пацан, прорвёмся. Не накажет тебя бабка.

– П-п-правда? – с надеждой уточнил пацанёнок, шевеля белыми от мела губами.

Одновременно с жалостью, у Пельменя разом врубилась предпринимательская жилка. Он взглянул на свою авоську с литровыми банками. Перевёл взгляд на огурчики с помидорчиками. И осенило во второй раз – вот тебе метод с порога поднять щепотку бабла на ход ноги.

– Смотри че сделаем и наматывай на ус.

Пельмень спустился из своего «укрытия», наступил в рассол, неприятно плюхнувшийся. Ну вот, шлёпанцы провоняются маринадом. Но раз уже вписался...

Аккуратненько так, Саня достал литрушку из авоськи и поскладывал туда бабкины соленья. Взял крышку, кое как приспособил на банку. Не держится, что понятно – но и хрен бы с ним. Осколки принялся сметать ногой под лестницу.

– Чего встал – помогай, – предложил Сёме.

Мальчик с выпученными глазами энергично почесал макушку. А потом помог новоявленному спасителю вымести осколки под лестницу. Когда дело подошло к концу, Сашка подошёл к кладовке, открыл дверцу, обнаружил полку литрушек с соленьями.

Ну а дальше – ловкость рук и никакого обмана.

Одну из банок поменял на свою, сунул литрушку в авоську. Ну а че, пригодится – соленья можно толкнуть по дишману. 1991 год, поди маринованных бондюэлей на прилавках нет, консервы продаются, но в дефиците. Так что покупатели найдутся.

Ещё одну банку с полки вручил Сёме. Дабы тот бабке отнёс взамен разбитой.

– Усёк, как надо? Не благодари, сочтёмся.

– Угу, – растеряно выдавил пацанёнок. – Это что, мне б-б-бабули не говорить?

Пельмень пожал плечами и продолжил свой путь, снова звеня пустыми бутылками, но Сёма окликнул его.

– Т-т-товарищ, – видать малолетка не знал как звать Саню по имени.

– Че надо, малой?

– Спасибо! – выдал он без запинки.

На Сашку смотрели большие голубые глаза мальчика. В них – счастье, безграничное. Ну пусть порадует, от Пельменя не убудет так то. Тем более соленьями наварился.

– Щ-щас...

Бросив вот это «щас», пацан пулей полетел по лестнице, прижимая к груди банку с овощами. Пельмень особо не допер, что Сёма имеет ввиду, потому вышел из подъезда и зачапал к пункту сбора стеклотары. Знать бы ещё где этот пункт находится. На вскидку – хрен вспомнишь.

Но не успел Саня и двухсот метров пройти, как его настиг Сёма.

– Т-товарищ!

Пельмень обернулся, и правда – вот он, стоит. Банку с консервами отнёс бабке. И зачем-то припер с собой две пустых бутылки из под кефира.

– Че? – откликнулся Пельмень.

– С-с-с... – от волнения заикания усилились. – Семён!

Пацан протянул руку. Пельмень взглянул на него, прикидывая чего надо пацану и не стоит ли ожидать нежданчик (рефлексы старого тела работали исправно и заставляли искать опасность на ровном месте, что в случае толстяка правильно). Вразумив, что пацанёнок не Рома Глиста и подлости от него ждать вряд ли стоит, пожал малому руку. Ну как пожал, ладошка Сёмы утонула в ладони Пельменя.

– Саня, погремуха Пельмень, – в ответ представился.

Прозвище может и обидное, но прилипло. Да и Сашка особо не старается.

– Круто! – изумился пацан и протянул мечтательно. – Пельмень... я всегда х-х-хотел себе прозвище!

– Так от меня че хочешь? – Саня пропустил бляения пацаненка мимо ушей.

– Можно я п-пойду с вами, б-бутылки сдать? Всегда мечтал с н-н-нормальными пацанами якшаться!

Вон че стеклотару малой приволок. Думает, что сдавать бутылки – равно якшаться с нормальными пацанами. Всякое бывает конечно, но «нормальные» пацаны по другому досуг проводят.

Пельмень первым порывом думал в отказ пойти. Не хватало с малолетками нянчиться, итак положение у Сани незавидное, а если с Сёмой поведётся, так только усугубит. Лохи классические ведь как парами бьются – один здоровый, другой мелкий, ну и все такое. Ну его на фиг ввязываться в круговорот и подтверждать статус имбецила.

Потом расценил иначе, стоило мозгами раскинуть – других друзей у «старого» Пельменя нет, а в одиночку всегда тяжелее, чем вдвоём. Поэтому, чего нет? Тем более Саня смутно припоминал, что папа у Сёмы при бабках и сам пацан в плане карманных чувствует себя не стеснительно.

Ну а там, поймёт Сашка, что пацан упущен и возиться дальше не станет. Каждый сам по себе. Да и душу греет, что малолетка Саню считает нормальным пацаном.

– Погнали, кости разомнем, – согласился Пельмень, резюмируя свои размышления.

Глаза Сёмы снова наполнились слезами, а губа задрожала (хоть побелку вытер). Только от радости теперь.

– Спасибо в-вам!

– Гнать хорош, че ты мне выкаешь, называй просто Саня или Пельмень. Усёк, васек?

– У-у-у-усёк, в-в-в-ва...

– Пошли уже, – Пельмень, видя что пацан снова разнервничался, хлопнул Сёму по плечу. – Выдыхай. Здесь все свои.

Хлопнул с леганца, не дай бог пришибить.

Пошли.

Пельмень, как здоровый кабан делал шаг, а Сёме с его ростом и длиной ног приходилось делать два. Вот и получалось, что Саня шёл не особо спеша, а пацан догонял вприпрыжку.

По дороге пацанёнок разговорился. Заикаться стал меньше, походу осваивался. Мечтал вслух о том, куда потратит бабки за сданную стеклотару.

– Хватит на жвачку с ф-ф-фантиком голой тёлочки. Митя сказал, что в этой серии, если потерять ей м-между ног...

– Братан завязывай моросить, какие фантики, я по бабам лет пять, и тебе советую, – наврал зачем-то Пельмень.

Узнавать кто такой Митя и почему он в курсах за фантики – не стал. Сёма аж втянул со свистом воздух – клуб ананистов, ни дать не взять. Постоянный член.

– И что б-будем делать, если не фантики? – поинтересовался пацанёнок, стгорая от любопытства.

– Сдадим бутылки, а потом ты домой, а я пойду записываться в зал, – заявил Пельмень. – Далеко идти то до этой богадельни?

– Не-а. Вон в тех гаражах. П-п-пункт приема стеклотары дяди Витали.

Сёма махнул в сторону большого гаражного кооператива.

– Туда!

– Там дядя Виталя?

– Угу.

– Пошли, че. Скинем груз.

Ну и пошли.

– Ты кстати не знаешь, где ближайший зал? – бросил Пельмень, оборачиваясь на прыгающего сзади малого.

– Знаю ш-ш-шахматы в школе на первом этаже или т-танцы – через остановку отсюда.

– Ты на танцы ходил?

– Я... ой, нет, к-конечно! – Сёма, чувствуя в вопросе подвох, смутился и сразу в отказ пошёл.

– А зря, нормальные пацаны тоже танцуют! Мухамед Али на трусах полоса, порхает как бабочка и жалит как пчела, – припомнил Саша. – Че думаешь он так по рингу скакал? Без пластики никуда.

– А ты д-драться умеешь, Пельмень? – воодушевился Сёма. – Внатуре?

– Умел... когда то, а щас хрен его даже знает, – честно ответил Саня. – Хочу проверить в зале на что гожусь. И координация мне пригодиться, Сем. А ты говоришь, что танцы – стрем. Для нормального пацана – танцы не запахло.

Сёма задумался, выдал.

– Три года... б-б-бабуля на танцы водила. Как вспомню как яйца этими т-трусами натирало, бррр, жуть.

– Ну вот.

– А меня д-д-драться научишь? Я ведь т-танцор!

Пельмень приснул смешком в ответ. Танцор блин, таким танцорам зал единоборств за километр обходить следует.

Зашли на территорию кооператива. Здесь атмосфера царила своя, особая. В выходной в гаражах собралось немало мужичков, пришедших «выгулять» своих железных коней. Усатые, пузатые и подвыпитые дядьки выгоняли москвичи, запорожцы и волги, парковали перед гаражами. Зачем? Чтобы «починить». Сёма видел торчащие из-под авто ноги местных «ремонтников». Обязательный мужской ритуал – починить, что сломано, а если не сломано ничего, то сломать. Чтобы потом починить.

Закончившие с ритуалом переходили к главному действию – стелили газетки на капотах своих железных коней и накрывали стол: огурчики солёные, самогончик, где колбаска встречается с грибами. И, конечно, музыка из «Мелодий» – Пинк Флойд, Лед Зеппелин. У каждого своё.

Нашёлся даже один Мерседес.

Стёкла опущены, орет блатата из динамиков и пацаны на капоте играют в нарды. Хорошие уже, в каждом миллилитров по двести залито сёма.

У самого Саши тоже был немец, в прошлой жизни – 300 лошадок дури под капотом, чёрный как вороного крыло, номера блатные. Подарок за «выдающиеся успехи в спорте» главы одного южного российского региона. Вот бы Пельменю такой агрегат сейчас... но обломись.

Наблюдая за господами отдыхающими, Пельмень смекнул куда пристроить банку с соленьями. Подошёл к мужикам, выпивающим у «горбатого» – литрушка с соленьями встала на капот.

– Огурчики-помидорчики домашние под водочку – самый смак. Берём?

Работяги обернулись. Разговор свернули. Саню узнали сразу – мол, это Пельмененко пацан. Физрука бывшего.

– Угощаешь? – спросил один из них.

– За рубль от души отрываю, – ответил Пельмень.

Мужики попереглядывались.

– Ты че из дома носишь?

– Отец все пропил?

– Игорек может... – интересовались и высказывались мужики.

Саня промолчал.

Мужик, видать хозяин «горбатого» взял консервы, покрутил банку. Сделку Пельмень предлагал хорошую – в магазине дешевле чем за полтора рубля огурчики консервированные не найдёшь, и то – не в каждом. А тут дешевле и домашние (хотя консервы в СССР делали отличного качества, надо признать – ГОСТ, епта).

Но сначала – мужик достал ключи из кармана, вскрыл литрушку и захавал огурец.
Хрум-хрум.

Саня такой прыти не ожидал, но поперёк не сказал ничего – сначала надо понять, что водила дальше сделает.

Мужик почавкал, дал попробовать огурца другому мужику. Оба постояли, пожевали чутка.

Заценили.

– Берём, – резюмировал владелец запора.

– Рубль, – напомнил Саня.

– Держи, че, – мужик вручил Пельменю монету.

– Только это, чтоб матушка чтоб потом не прибежала, уговор? Я Ирку знаю.

– Слово пацана, – заверил Пельмень.

– Слышь, а ещё есть? – спросил второй мужик, дожевывая и поглядывая на авоськи.

Может там завязалась баночка?

Пельмень переглянулся с Сёмой. Тот быстро смекнул «че по чем», кивнул.

– Заказ от трёх банок по рублю. Товар – свежак, – пояснил Саня.

– Бабки только вперёд, – сообразил Сёма, выгнув колесом грудь. – По предоплате работаем.

По предоплате – значит по предоплате.

Мужики то залили сливу, а когда мужик синий, он с деньгами охочей расстается, чем на трезвую. Вот и владелец «горбатого» достал три рубля и вручил Сёме.

– Пять банок, а это вам залог, – прокомментировал. – Мы в следующий раз в пятницу соберёмся в тоже время. Принесёшь товар, остальное выдам.

Пожали руки.

Пельмень сунул бабки в карман. Стрельнуло с консервами даже лучше, чем он рассчитывал. Вот так с потолка четыре рубля прилипло на ход ноги. И канал потенциального сбыта образовался.

Бизнес.

Понять бы ещё где консервы теперь брать. У бабули Сёмы ещё с дюжину банок, конечно, наберется... Но раз спрос есть, будет и предложение. Как-нибудь решим.

– Ты прям н-н-новый русский, – с восхищением сказал Сёма, когда отошли от мужиков.

Пункт приёма стеклотары расположился в конце кооператива. Большой гараж, у входа стоит мотороллер с кузовом «Муравей», выдавший своё – вон краска встала, местами рыжики. Двери гаража закрыты, на них – ни часов приёма, ни вывески. Но мелом нацарапан прейскурант. Из самого гаража доносится Высоцкий.

«Эх раз, да ещё раз, да ещё много-много...»

А ещё воняет керосином. Так по противному. И свет внутри включить не удосужились.

– Сюда? Уверен? – остановился Саня.

– Угу, П-п-пельмень, ты че бутылки не сдавал?

Сашка не ответил, постучал в ворота гаража. Музыка прикрутили, потом послышался грохот, на смену пришёл звон разбитого стекла. И мат – трёхэтажный.

– Еп, перееп, твою мать за ногу!

– Дядя Виталя, – со знанием сказал малой.

Через несколько секунд дядя Виталя появился на пороге. Тощий мужик, скрюченный, с морщинистым лицом. Майка в полоску, на плече «Слава ВДВ», на голове замызганный берет.

– О, архаровцы! – заметил он Сашку и Сёму.

Икнул.

Дядя Виталя оказался в дребедень убранный. И чтобы стоять на ногах прислонился к створке.

– Санька, за твоим папашей не успеешь! Ты каждый день тару тащишь.

Пельмень хотел вручить мужику свои авоськи. Но дядя Виталя приподнял бровь удивленно:

– Вытаскивай. Че ты мне их суёшь.

Вытащил – 5 бутылок из под водки. 3 литрушки, 1 баллон. Сложил в ящик – этот стоял у гаражных ворот. Авоськи свернул рулетиком, запихал в карманы. Сёма положил свои бутылки туда же.

– Оп... – Дядя Виталя оттолкнулся от гаража и подошёл к ящику. – Ну ка, глянем!

Осмотрел тару – целая? Сколов нет? Следом вытащил из кармана замызганных брюк пригоршню монет и всучил 20 копеек Сёме.

– Ну все, шуруйте. Принято.

Пельмень посмотрел на свои бутылки, на пьяного дядь Виталю и приподнял бровь.

– Че за порожняк?

– Чего не так?

Саня кивнул на «прейскурант»: мелом указанные расценки на дверях гаража.

– У вас написано – 15 копеек за кефирную, а даёте – 10 копеек. Вот и говорю – порожняк.

– Десять? – дядя Виталя дурачка включил, достал десять копеек, сунул Сёме. – Обсчитался, ребятня. Валите уже.

Если в первый раз Пельмень удивился, то во второй раз охренел.

– А мои бабки где?

Прикинув сумму в голове за свою тару, Пельмень ее озвучил.

– Два рубля пятнадцать копеек так-то.

– Епрст... А долг батин отдать не надо? – оскалился дядя Виталя. – Он мне три рубля торчит. Обещал занести и не занёс.

Опа. Вот это Пельмень уже не знал, что батя должен кому-то бабки. А то, что не занёс – не мудрено, батя в драбадан пролежал все утро.

Дядя Виталя видать решил, что разговор закончен, начал насвистывать себе под нос и поплёлся на нетвёрдых ногах обратно в гараж. Вот только Пельмень не батя, долги не брал и с таким раскладом не согласился.

– Мужичок, стопе, – Сашка шагнул и перегородил дяде Витале дорогу. – Бабки гони.

– Ты охренел? – с лица приёмщика разом улетучилась улыбка. – Ты че такое спрашиваешь? Ошалел, бродяга?

Боковым зрением Сашка видел, как Сёма успел на всякий пожарный спрятаться за мотоллером. Дядя Виталя ведь того, говорят, что зэк. Бывший. И дурной на всю голову, опять же – по слухам.

– Бабки гони, – повторил Пельмень.

– Я тебе сказал, за батю твоего долг спросил!

– Так я не батя! С него и спросишь.

– Во как базаришь, пидореньшь мелкий... – дядя Виталя прищурился.

Отошёл к гаражу, также покачиваясь, вытащил монтировку.

Та стала в углу, как по случаю спецом.

– Обана! – он похлопал кончиком монтировки о свою ладонь. – Башку проломлю, ахломон! А ну шуруй отсюда! Паскуда этакая!

У Пельменя при виде монтировки как-то сразу непроизвольно сжался сфинктер. Преее тело и его сыкливая натура перли наружу. Захотелось развернуться и драпать, следуя полученной рекомендации.

Однако новый Пельмень выдавший в своей жизни разное, не сдвинулся с места. И по дяде Витале тоже прочухал быстро – никакой он не зэк, а если и был таким, то воздушник и закатушник. А вот насколько дурной намголову – это выясним.

– Бабки гони, – невозмутимо повторил Сашка в третий раз.

Правда, только казалось, что невозмутимо – голос раз и изменился, дрожит. Пельмень сглотнул.

Дядя Виталя растерялся от молодецкой прыти. Подвис. Тут ведь как получалось – дабы базар вывезти надо Пельменю башку монтировкой проломить. За два рубля. К такому раскладу дядя Виталя оказался не подготовлен. Видать раньше прокатывало по другому.

Он медленно монтировку опустил. Достал из кармана монетки, наковырял сумму – протянул Пельменю.

– Правильно базаришь, пацан, раз бате твоему занимал, то с него и спрос. Я ж не в курсах, что ты не за батю пришёл, – пояснил дядя Виталя.

Пельмень деньги сунул в карман. Рука, которой брал монетки ходила ходуном. Зато в кармане приятно звякнуло – денег прибавилось. Теперь глядишь на треню снарядиться хватит, если шмотьё с рук брать.

– А батю твоего я на счётчик поставлю, так и передай Игорьку! – смекнув, что слабанул, добавил мужик.

И скрылся в гараже. Позор следовало запить водярой. Чем быстрее – тем лучше.

Пельмень вздрогнул, когда ворота гаража захлопнулись. Пожал плечами. Думать о том, что стало бы, окажись слухи о прошлом дяди Витали правдой – не хотелось. Торчала бы монтировка у Пельменя из задницы, с его нынешней функционалкой – это как пить дать. Даже на пропитого алкаша дури не хватит.

Смекнул Саня и другое – у дяди Витали батя бухлишком закупается. Ну что сказать, останется батя без бухла. Не купит сынок чекушку. И дядя Виталя хрен без возврата долга продаст.

– Вот это ты крутой, П-п-пельмень!

Из-за мотороллера объявился Сёма.

– Так б-ба-базарить с настоящим зеком!

Они почесали от гаража дяди Витали прочь.

Глава 4

*«Есть лаве на кармане.
„Извини меня, Маня.
Эй, девчонки, а ну, навались!“
Греет солнышко шею, я живу и балдею
И люблю эту южную жизнь»*

Гриша Заречный, Ростовская хулиганская

* * *

После визита к дяде Витале, Сёма достал пачку сигарет. Как Пельмень прятал в трусах бабло, так пацанёнок нычил «в самом укромном» сижки.

Пачку открыл и показал. Оказалось, что та доверху забита бычками. А вместе с бычками в пачке покоится переломанная пополам веточка – туда сигарету вставляешь и руки не заваиваются табачным дымом. Не палевно. Ну и по жопе не получить от бабули.

– Покурим? У-угощаю, – важно предложил пацанёнок. – Импортные!

Пельмень аж закашлялся. Не, по малолетству всякое бывает и окурки собирают по палисадникам и другие глупости делают. Думаешь же не головой, а жопой. Особенно когда тянешь такое себе в трусы.

– У-у меня тут кэмэл, мальборо и даже с-с-собрание есть, – заявил Сёма с гордостью. – Какую хошь? На выбор.

Пельмень взглянул на пачку, забитую окурками, на пацана. Вспомнил, что в кармане валяется «Наша марка» бати.

Вытащил.

– На, а эту дрянь выбрось.

Вручил марку пацану.

Конечно давать закурить пацаненку школьнику – идея так себе. Только ведь Сёма один хрен покурит. Так лучше нормальные сигареты пусть шмалит, чем бычки облизывает.

– К-круто! Спасибо!

Сёма с трепетом взял сигарету из рук Пельменя, заговорщицки оглядываясь.

– Посмолим з-за гаражами? – предложил. – Чтоб б-бабуля не спалила.

– Курить – здоровью вредить, я бросил и ты бросай, – покачал головой Пельмень. – А если куришь, так пацанам нормальным стремно за гаражами шкериться.

– Хм... – Сёма подвис слегка.

На сигарету уставился.

Пацанёнок был на четыре года младше Пельменя, и если сам Пельмень уже мог курить «в открытую», то Сёме бабка не разрешала. Гоняла.

И наказывала, если поймают.

Может хоть так получится склонить пацана от «курения» к «не курению» – зассыт?

Но нет, Сёма, разошёлся, оказался другого мнения.

– Внатуре, П-п-пельмень, че я шкериться буду.

Сигарету он вставил в зубы без всяких палочек. Достал спичку, именно спичку, не коробок и подойдя к гаражу ловко зажег, чиркнув по шершавому металлу серной головкой.

Прикурил, запыхтел как паровоз.

Смотрелся пацанёнок с сигаретой нелепо и глупо, и курить толком не умел – дымил не в затыг. А попытавшись глотнуть дым – закашлялся.

– Че погнали, е мое? Газ-квас!

– Ну ты Сёма босяк. Куда погнали то?

– Ближайшую ДЮСШ покажу. Ты ж х-хотел!

Сёма прилип к Пельменю, причём так, что хрен отвяжешься. Пельмень пацана гнать не стал – пусть показывает дорогу.

– Ну говори куда идти. Сходим.

– Идём вперёд!

Двинулись.

Пацанёнок трывдел без умолку, вприпрыжку поспевая за своим новым другом. Переходил с одной тему на другую, сбивался. Заново начинал.

Сашка периодически отвечал односложно.

Думал над тем, где по такому времени достать спортивную одежду и какую-никакую экипировку. Желательно с рук и по дишману. Да и по другому не выйдет – в стране жуткий дефицит. Тут сапоги обычные не достать, а здесь товар нужен более избирательный.

Понадобится что?

Ну конкретно тренер в зале скажет.

А если на вскидку?

Список длинный – для качественной треньки нужны, например, рашгарды. В идеале – костюм-сауна для весогонки или хотя бы набедренный термопояс. Гонять придётся много и тяжело. Вот только где такое добро в 1991 году взять в разваливающейся на части стране? Хрен его знает.

А вот самое необходимое – боксерки (хотя на первых порах можно и обойтись), шорты, бинты, капа. Ну и перчатки, само собой. Вот это надо кровь из глаз суетить и находить.

Авито или Юлы в 1991 году ещё не придумали, поэтому придётся навеститься на местную барахолку. Че там вместо маркетплейсов – толкучки, комиссионки?

Ну и объявление в газету подать. Кстати – тема то реальная.

Саня сначала хотел у Сёмы поинтересоваться, где можно спортивный шмот прикупить, а потом как осенило – батя, Игорь Борисыч, физрук бывший. Он наверняка в курсах по старой памяти. Домой Пельмень вернётся – надо с батей переговорить.

– Слышь, а вот если бы ты его не п-перебазарил?

Сёме не давал покоя случай с дядей Виталей и он снова вернулся к его обсуждению.

– Хотя не говори, з-знаю! Т-ты бы ему вот так, – Сёма изобразил пируэт, пытаясь нанести удар ногой с разворота, но благополучно грохнулся на жопу, выронив сигарету. – Ой...

Вскочил, отряхиваясь, ничуть не смутившись догнал Пельменя. Сигарету подбирать не стал.

– Я вот че п-по-подумал. Я теперь тоже ему бутылки когда п-п-принесу, то скажу – где бабки?! П-пряма вот так, – Сёма обежал Пельменя, встал перед ним, врезал кулаком по своей ладони и, переменившись в лице, зашипел. – Где бабки с-с-сука?!

– Тебе то че так говорить?

Пельмень обошёл Сёму, принявшегося выкручивать невидимую шею дяди Витали своими руками. Лицо пацана от злости перекошило.

– К-к-как зачем? – послышалось из-за спины. Голос приблизился. – Ты ж видел, ч-ч-че он делает? Хорошие бутылки не принимает, т-типа сколы нашёл. А потом говорит, ща погодь...

Сёма снова обежал Пельменя, остановился, упёр руки в боки и кривя рожой спародировал дядю Виталию по голосу.

– Оставь бутылочки, чтобы до мусорки не нести!

– Пряма так говорит?

– Прикинь? Вот гнида, у-у-удушу!

Пельмень понаблюдал за пародией и хлопнул Сёму по плечу.

– Ты это, малой, так не делай лучше. Хер его этого дядю Виталию знает, может белку словить и монтировкой тебя по спиняке перетянет.

На том разговоры о дяди Витале прекратились. Сёма натер руки травой, дабы пальцы дымом не воняли. Рассказал, что его батя подарит ему на днюху двадцать рублей.

– Поляну накрою, бля буду. У меня батя щас новую работу нашёл. Бабла – немерено косит!

Потом рассказал о своих впечатлениях от крутяцкого боевика с Шарцнеггером. Вслух мечтал о приобретении тачки, попавшейся ему во вкладыше жвачки «Турбо». Затем замолчал и с минуту шёл молча. Пельмень полагал, что речь зайдёт о девчонках, вон как пацанёнок покраснел, но вопрос Сёмы удивил.

– Слышь, Пельмень, ты вот говоришь, что я внатуре ровный босяк по жизни, а давай придумаем мне р-реальную погремуху, а? – проговорил он без запинки. Почти.

– Хочешь погоняло?

– О-о-очень!

– И какие мысли есть?

– Ну-у-у... жидкий металл? Терминатора смотрел второго, а? – выдал Сёма, подобрался весь.

– Сёма Жидкий металл?

– Круто, да? Или погоду, Пельмень – Фредди Крюгер! Д-д-дерзко звучит?!

Сёма начал «резать» воздух скрюченными пальцами, воображая себя маньяком.

– Не, такие погоняла – полная туфта, – заключил Пельмень. – Не подходит. Тем более, твой Крюгер – педофил. Таких нормальные пацаны не любят.

– Ясно... м-может тогда Брюс Ли? – с надеждой спросил пацан.

– Тоже лажа.

– Почему?!

– Погремуха должна быть практичной, и как бы за тебя пояснять пацанам, – терпеливо говорил Сашка. – Вот меня почему Пельменем зовут, знаешь?

– П-почему же?

– Потому что толстый и много жру. А фамилия созвучная как раз. Вот и прозвали. Пельмененко – Пельмень, все такое.

– А... – протянул Сёма. – Внатуре п-понятно.

– У тебя фамилия какая?

– Тимофеев, – Сёма гордо выпялил подбородок.

Пельмень, почесал указательным пальцем кончик носа. Тимохой так и просится пацана назвать, не?

Предложил.

– Ну как-то н-нечестно, Пельмень. Че сразу Т-timoха? Стремно!

– Че нечестно? Созвучно ведь. Тимофеев – Тимоха, сразу прилипнет и не стремно, не гони.

– А п-почему Сильвестру можно иметь крутое погоняло, а мне нет? Он ведь тоже Тимофеев! Мне папа когда п-пьяный был сказал.

– Че сказал то? – Саня бровь приподнял.

– С-сказал, что у нас фамилия теперь б-бандитская.

– Ясно, – кивнул Сашка. – Будешь значит Малой, раз бандитская.

Пельмень зашагал дальше.

– Я так-то С-сильвестром быть хочу! Але?! – возмутится мальчик.

– Подрастешь, погоняло сменим, – обнадёжил Сёму Саня.

– Ну ладно... а ведь круто Пельмень, буду п-погибать молодым, – Сёма задёргался, изображая движения брейк данса.

Выходило хреново.

Брейк и Сёма примерно так на противоположных полюсах.

– А ты это где слышал?

– Че где?

– Ну вот это – буду погибать молодым? Песня?

– Как, месяца два к-клип по ящику гоняют, ты че не в-видел?

Пельмень не ответил, про себя припомнил, что Мистер Малой появился на слуху несколько позже. Все-таки это новая реальность отличалась от прежних знакомых 90-х. И Саня для себя отмечал это не первый раз.

Вот так, болтая обо всем и ни о чем, Пельмень и Малой шли к ДЮСШ.

И не было бы счастье, как говорится. Забрели пацаны туда, куда забредать не следовало по определению. С дуру забрели.

Пельмень тупо забыл простое правило дворовых пацанов из 90-х, которое каждый должен знать на зубок. Мой двор – моя крепость, а за его пределами – вражеская территория. Там и поколотить могут, и бабки отжать и вещи присвоить, если понравятся. Тихим сапом, Пельмень и Малой ступили на вражескую территорию, имея на кармане лавандос.

Нахаловка – самый лютый и опасный микрорайон, оккупированный самовольными застройщиками. Тупо частный сектор, где жила реальная шпана.

Нет бы обойти, свернуть, а они поперлись напрямиком.

Предводителем местных пацанов ровесников Пельменя слыл Вася Цыган, якобы отмотавший срок на малолетке хрен пойми за что. Прославился Цыган тем, что приторговывал наркотой. И любил при случае показывать своё перо – финку, доставшуюся ему от погибшего отца. Барыги мелкого разлива.

Васька бутылки собирать и сдавать считал западлом, а вот отнимать деньги у лохов – это как за здрастье.

Так вот, Вася Цыган вместе со своей шпаной приметил Малого и Пельменя сразу. Ну и тормознул.

– Чи-чи. Стопе, лошье.

Пацаны из банды Цыгана облюбовали старый железный теннисный стол. Занимались тем, что готовили мацанку из свежесорванной дички. Вряд ли на продажу, так – раскуриться, покайфовать.

Цыган спрыгнул с теннисного стола, размял демонстративно шею. Руки от дички оттряхнул.

– Сюда подошли, да.

Пельмень остановился. Оценивающе вымерил взглядом нового соперника. Мелкий ростом, но коренастый. Глаза чёрные, не карие, а именно чёрные. Одет в короткие шорты, майка обвязана на поясе. И сука наглый, по одной роже видно – палец в рот не клади. Откусит с рукой.

С ним ещё трое. Тоже крепкие, как на подбор – таджик и двое русских. Все без маек. Сложены хорошо, вон как сиськами дёргают на показ. Перемазаны в конопле. Уже накуренные – глаза паленые.

Саша вздохнул.

Связываться со шпаной совсем не с руки. Пельмень отдавал отчёт своим возможностям, а сейчас они, мягко скажем, удручали.

Хотя если попытаться Цыгана неждануть, сразу и без разговора... Сашка вспомнил свою попытку взбодрить Глисту на школьной дискотеке. И чем все закончилось.

Не вариант. Совсем.

Да и Цыган так то не один – типы с ним лютые. Глиста на их фоне внатуре тощий.
Другой вариант быкануть сходу.

Правда, где с дядей Виталей сфортило быка включить, со шпаной может не проканать.
Угомонят на раз-два.

Дальше дела пошли пободрее.

Если Пельмень взял время оценить обстановку, то Малой залупил с ходу.

– Ты как базаришь, фраерье, – Сёма похоже поверил в Пельменя, тем более тот комплекцией в два раза превосходил Цыгана и любого из его ребят.

Вот малого и поперло по незнанке не в ту сторону. Ну а че, на дискотеке Малого не было... И Саня тоже молодец – с дуру пацаненка причесал про боевой опыт. То, что сам Пельмень такой же лошок – Сёма не знал. Навыки то все с прошлым телом испарились.

– Кто лошье, чурбан, ты за базаром следи, лох педальный...

Непонятно откуда Малой успел нахвататься блатоты. Но учитывая интерес его папаши к криминалу, неудивительно.

Упс...

Малой не договорил.

А Пельмень не успел среагировать.

Цыган подошёл к Сёме, схватил за нос и усадил на землю.

– Ай-яй-яй, дяденька отпустите...

Дальше сменилось соплями и нытьем. Вперемешку. Пельмень выругался про себя. Вслух сказал.

– Малого пусти.

Цыган поднял руки, отпуская. Сёма тотчас отполз, хватаясь за нос. Уставился на Пельменя сквозь слёзы, с надеждой. В глазах читалось «Саня, а ну ка вье... и козлу разок».

«Сваливать бы тебе Семушка, тут щас такое начнётся», – подумал Пельмень.

И началось.

В руке Цыгана появилась нож. Не финка правда – откидной.

Щелк.

Лезвие выскочило наружу.

Блестящее, отполированное.

Пельмень слотнул.

– Как зовут?

– Пельмень. Че хотел?

– Вы че у меня на районе забыли, чепухи?

– То, что твой район не знал – просвети. И представься.

– Так непонятно, что мой?! – огрызнулся Цыган.

– Неа. Непонятно.

– Мой и все, дебил, бля! – Цыган, накуренный, начал заводиться, дергаться. – Деньги есть?

Васька так и не удосужился представляться.

– Не трогайте нас, пожалуйста...

Сёма достал деньги, свои копейки, протянул Цыгану. Видимо в крутость Пельменя пацанёнок разуверовал. Сильвестр, блин, комнатный. Но че Пельмень хотел – Малой только закончил седьмой класс.

– Ты перо спрячь, – предложил Саня. – Там и поговорим.

– А то че? – прошипел Цыган. – Че будет?

Пельмень не ответил.

Вымерил дистанцию между собой и Цыганом. Если вдарить прямым, а не боковым как на дискотеке – есть шанс провалить Васе голову в трусы. Котёл у Цыгана крепкий походу, но в Пельмененко тонна веса. Пусть и удар не поставлен – Цыган отлетит.

Но Пельмень медлил, с реакцией у нового тела ни к черту, движения не поспевали за мыслями. Ставить эксперимент, когда к ним уже подтягивались другие пацаны из банды Васи – плачевно. Надо момент поудобнее выждать.

– А ну ка давай отойдём, свинья.

Цыгана держал нож так, что прикрывал лезвие ладонью. Людей вокруг нет – на улице пекло, но окна в частных домах открыты нараспашку. Мало ли кто увидит, вызовет ментов.

– Ты не девочка, чтобы с тобой на свидание ходить, откажись, – Саня покачал головой. – Говори тут.

Цыган подошёл к Пельменю, огляделся, упёр острие ножа тому в живот.

– Вон туда идём, – зашипел он, указывая на небольшую крытую беседку. В таких мужики по вечерам домино раскладывают. Добавил. – Пикнешь, брюхо вспорю.

– Пори. Я не пойду. Сказал же.

Пельмень считал, что Цыган берет его на понт. И не станет борщить на глазах у свидетелей – вон бабка из соседнего дома залипла на подоконнике. Наблюдает. Делать не хер, интересно чем молодёжь занята.

Однако Пельмень грубо просчитался – обдолбанного Цыгана потянуло на подвиги.

То ли мацанка жесткая попалась, то ли ей шпана уже догонялась, вмазавшись до того чего крепче. Но лезвие ножа начало входить в пузо, дырявя майку.

Сначала на миллиметр.

Потом глубже.

Ещё.

По пузу стекла тонкая струйка крови. По майке расплзлось красное пятно. Пельмень почувствовал, что Цыган не остановится. Проблема.

Мелькнула мысль – такая инстинктивная, заорать и привлечь внимание бабки. Но Саша ее отмёл. Так проблема неправильно решать.

– Хорош, пойдём, – сказал.

Цыган убрал нож от живота, его глаза полыхнули нездоровым блеском. Последовал хлопок по животу.

– Пойдём.

Направились к беседке. Цыган снова оглянулся – туда-сюда. Увидел бабку, расплылся в улыбке и помахал ей рукой.

– Здравствуйте, Клавдия Петровна!

– Васька, ты что там задумал! Немедленно прекращай! Я твоим все расскажу!

Понятно, что прекращать не стали – Клавдия Петровна переберется. А запреты со шпаной работают плохо.

Зашли в беседку. Острие ножа снова упёрлось Пельменю в брюхо.

– Бессмертный? – снова зашипел Цыган.

Саня промолчал. Че не говори, это дебил не слушает. Так чего воздух зазря сотрясать.

Цыган начал шмон. Достал бабки. Переложил к себе в карман.

Пельмень терпел. Выжидал. Сейчас, ножик опустит и тогда к делу.

Цыгану показалось мало полученных рублей (бабки, бывшие в «тайнике» Вася тоже забрал).

– За косяк отвечать надо и за базар! – Цыган играл ножиком показушно, описывая у живота Пельменя восьмерку. – Ставлю вас на лаве, завтра принесёте по рублю с рыла. Понятно? Не принесёте – счётчик запущу. Пятьдесят копеек в день...

Рыжий детина с большим родимым пятном у живота, ткнул пальцем в Малого.

– Цыган, гля, у этого золотишко есть. Нужно?

Вася аж подобрался. Переключился разом на Малого. На шее у Сёмы висела чёрная ниточка, на ней – золотой крестик. Масенький такой, так сразу и не разглядишь.

– Стоямба, – прошипел Цыган и подозвал Малого к себе пальцем.

– Это мне б-б-бабушка на крещение п-п-подарила, – проблеял Сёма, разом побледнев.

Цыган потянул нитку, вытащил крест. Закивал – удовлетворенно.

– Снимай, че. Было ваше стало наше.

– Это мне б-б-ба...

– Ещё подарит. Снимай говорю, – перебил Васька.

Цыган прислонил нож к груди Малого.

Пельмень стиснул кулаки. И больше их не разжал.

– Пацаны, харе беспределить? – вставил.

– Хлебало завали, – рявкнул Цыган, снова зверея.

Нитку решил перерезать, не дожидаясь, пока Сёма крестик снимет.

– Не надо, пожалуйста пожалуйста... – завыл тот.

Пельмень выжидать дальше не стал.

Шаг.

Короткий прямой.

Удар напомнил толчок, но и этого хватило чтобы цыган которому прилетело в бочину, отлетел кубарём, перевернулся через скамью.

Пельмень попятился, выходя из беседки и становясь в боевую стойку. Непривычно то как, руки словно сардельки – неподвижные, мясистые.

– Беги Малой! – все, что успел сказать Пельмень.

И Сёма рванул, что дай Боже, аля Усейн Болт.

Бах!

Это уже прилетело в бороду Пельменю.

Жестко.

Саня видел удар – рыжий бил колхозника из под жопы. При ударе зажмурился. Чтобы уйти от такого удара достаточно чуть повернуть корпус или сделать шаг в сторону, на край – выставить жесткий блок. Но прилетело между рук. Вырубить зрячим разовым ударом – тяжело. Но Саня попятился, споткнулся и завалился по инерции.

Прокол он анализировал, падая как тот самый большой шкаф на землю.

Слились и завертелись беседка, небо, шпана.

Тело отказывалось слушаться.

Хлобысь!

Туша распласталась на земле. Шпана стаей одичалых собак бросилась на добывание.

Удары летели жёсткие, чувствительные, но таки без критического вреда.

Минусов у этого тела куча. Но есть один несомненный козырь – жировая броня, пробить которую не так просто.

Пельмень терпел, кое как перекрывался, прятал голову, чтобы не прописали пенальти. И думал о том, что Цыган, возбудившись вгонит ему перо под ребро.

Цыган поднялся, перелез через лавку. Глаза – безумные. Нож перекидывает из руки в руку. Несётся на Пельменя!

– Убью!!! – орет.

И пырнул бы!

Вот только раздался оглушительный свист. К месту ЧП нёсся участковый, в одной руке держа свисток, другой придерживая фуражку.

– Вон они, товарищ милиционер. Вон этот падлюка! Ножом угрожал дитю...

Клавдия Ивановна-такипозвонила в ментовку. Или где-то участкового выцепила.

– Он наркотиками торгует, пакость такая цыганская! – причитала старуха, паля контору. Позади молодого сержантика в своей манере скакал Сёма. Возбужденный, крест в кулаке зажал.

– Шухер!

– Мусора!

Банда Цыгана прыснула в стороны, как тараканы. Бить Пельменя перестали. Он лежал на спине и пялился в чистое летнее небо.

Приходил в себя.

Внутри все разом рухнуло. Похолодело в один миг. Подставила его бабка, подставила знатно. Теперь ни один дворовой пацан Пельменю не подаст руки.

Можно получить люлей, стать на счётчик, косяка спороть, можно даже обосраться как тогда на дискотеке и ходить с полными дерьма штанами! Но самый стрем – пожаловаться менту... Попробуй потом докажи, что я не я и жопа не моя.

– Пельмень!

Сёма вырос перед Саней, плюхнулся на колени и затряс его.

– Живой? Вставай! Мы спасены!

Пельмень взял Сёму за плечи и аккуратно отставил. Поднялся. Принялся отряхиваться от налипшей травы. Грязный весь.

К ним возвращался милиционер.

Поймать шпану участковый не поймал. Попробуй угнаться за молодыми подтянутыми ребятами. Но мацанкой заинтересовался. Видать бабка уши про наркоманию прожужжала. Все свои дела Цыган и подельники бросили на теннисном столе. Деньги Сани только с собой забрали.

Видя, что потерпевший стоит на ногах, мент двинулся к нему.

– Заявление писать будем?

Внимательно осмотрел Пельменя – с виду целый. А значит криминала нет. Статьи тоже.

– Неа, – Сашка покачал головой. – Пошли Сёма.

Пацанёнок захлопал глазами. Ослушаться не послушался. И поплёлся, опустив голову. Участковый посмотрел на Пельменя внимательно. Но останавливать не стал. Так понял все. Проблем у пацана куда больше нарисуеться, если оставит заяву. Да и самому менту заява на хрен не тарахтела.

Чего портить показатели раскрываемости.

В начале десятого пацаны вернулись во двор. С секций в ДЮСШ пришлось повременить. Но что делать.

– А все р-р-равно, Пельмень, круто б-было, скажи? – спросил Малой. – Оторвались!

– Че крутого, Малой, нагнули нас по полной программе.

Сёма вытянул лицо.

– И на б-бабки поставили, кажись.

– Поставили, – согласился Пельмень. – Только я никому ничего отдавать не собираюсь.

– Я т-тоже, – поддержал Сёма. – Да и б-бабулька меня накажет теперь. Я при всем желании выйти завтра не смогу.

– Бывай. Разберёмся, Малой.

Они обменялись рукопожатиями.

Вот так начался первый день дружбы тридцатилетнего мужика в теле подростка и пацаненка, едва кончившего седьмой класс. Интересно знать, кем вырос Сёма в другой реальности? Все ли у него сложилось хорошо?

Пельмень хмыкнул.

Хрена его теперь знает. Может другой реальности и нет теперь. Для «Зверя из преисподней» уж точно.

Пельмень вернулся домой.

Устало поднялся по лестнице.

Постоял перед дверью. Сейчас вот батя разорется... где водка, где бабки, то се. Сказать ему, что дядя Виталя его на счётчик поставил – может успокоиться? Так у Игоря Борисовича ещё по экипировке и шмотью спрашивать... хотя че можно купить на пустой карман?

Вспомнилось, что мать клала под коврик ключ и Пельмень решил проникнуть в дом незаметно.

Получилось.

Батю он обнаружил набухавшегося у телевизора под футбол. Ничего нового. Пельмень не стал выключать ящик, прошёл к кровати и завалился спать не раздеваясь и не принимая душ.

Глава 5

*«Это коммунальная, коммунальная квартира
Это коммунальная, коммунальная страна».*

Группа Дюна

– Александр! Сын, ты в порядке? Кто же тебя так... ой горе то какое луковое!

Рано утром пришла мать.

Ирина Игоревна. Женщина средних лет. Вся потертая, заезженная и с миной недовольства на лице. Будешь тут довольной. Дома бывать по праздникам. И то не по всем. По годам Ирине Игоревне чуть за сорок, а по виду – глубоко за пятьдесят. Морщины на лице, как у шарпея.

Пельменя матушка увидела спящим в одежде на кровати. План проснуться по ночи, облегчится и заодно переодеться провалился – мочевого пузыря в новом теле оказался такой же большой, как и желудок. Саня дрых без ног всю ночь напролёт.

После «кто же тебя так» матери последовали ее вопли...

Ну да, выглядел Пельмень отвратительно, тут ни дать, ни взять. Как и чувствовал, кстати. Ощущения такие, будто попал под асфальтоукладчик.

Беда.

Сон как рукой сняло. Саня сел на краю кровати. С минуту понаблюдал за матерью, бегавшей туда-сюда по коммуналке. Как ужа под жопу получила. Дёрганная вся. Потом вяло сказал.

– Все нормально, ма. Я если че живой.

– Нормально?!

Женщина, наконец нашла что искала – аптечка лежала в тумбочке рядом с кроватью родаков. На ночь кровать задёргивалась «балдахинном» – с горем пополам установленной простыней.

Бати кстати дома не оказалось. Наверное, спецом свинтил, пока ходят параходы.

– Да на тебе места живого нет! Кто тебя так?

Мать села рядом с Сашей на кровать, выпотрошила аптечку. Нашла йод. Открыла пузырёк и ливанула хорошенечко на вату.

– Бедное мое дитё... ой-ой-ой!

– Я упал, – не нашёл сказать ничего лучше Пельмень.

– Упал ты, как же! Вечно ты этих козлов выгораживаешь, – мать аккуратно обрабатывала раны, не жалея йод. – То тебя в реку сбросят, то одежду порвут. Это ещё ладно, я могу понять, но чтобы вот так...

– Бывает, ма – забей, – Пельмень морщился от прикосновений ваты.

– Почему не стал писать заявление?

Понятно. Саня догадался, что матери каким-то боком припёком стало известно о случившемся вчера. Хреново. Первое правило во дворе – не подключать ментов, а второе правило – родителей. А тут и менты, и мамка. Полный набор среднестатистического лоха.

– Не смотри на меня так, сын! Я между прочим с работы ушла, как только участковый позвонил! Лидке позвонила, чтоб подменила!

– Ну я ж не просил тебя никуда уходить, – пожал Пельмень плечами. – Я пацан взрослый, разберусь сам, лады?

Мамку жалко, конечно, хоть она и чужая тетка, но позволять ей лезть в свои дела Пельмень не мог.

– Разберёшься? Сам? – продолжала причитать женщина.

– Че нет то, сын у тебя взрослый вырос, опека не нужна. Тебе самой легче станет. Вон батя на шее сидит и достаточно.

Мать аж мазать йодом перестала от возмущения. Поднялась, схватила Пельменя за ухо и подняла.

– А ну ка иди сюда засранец, – за ухо подвела его к зеркалу.

Пельмень не сопротивлялся. Как обращаться с бабами Саня знал по прошлой жизни. Иногда лучше безропотно выполнить то, что от тебя хотят – целее будешь и нервов меньше убьешь.

– Посмотри ка на себя, наш самостоятельный, – сказала с жаром Ирина Игоревна.

Пельмень посмотрел. Паршиво, ну да. Лицо свезено, на лбу отпечаток чьих то сандалий. Под носом – не пойми что, сгусток крови запечённый. Губа разбита. Одежда соответственно в хлам – порвана, перепачкана. Не а че, когда тебя пинают вчетвером – есть варианты выглядеть как-то иначе?

– Че не так, ма? Ну получил. Ну бывает. Отквитаемся.

– А то не так, Сашенька...

Вот тут запахло жареным. Пельмень отчётливо вспомнил, что если мать переходит к уменьшительно ласкательным конструкциям – быть беде.

Ирина Игоревна начала раздевать Пельменя, сняла майку, шорты, оставив того в одних трусах. Саня стоял, переминаясь с ноги на ногу.

– Вот это что? – она потрясла скомканными вещами перед его лицом.

– Вещи, ма. Тебе перечислить какие?

– Перечислить, он ещё и издевается... дуру из меня не делай, Пельмененко!

Женщина расправила майку, вытянула перед собой, показывая сыну дыры, порезы и пятна крови. Тыча в каждое такое повреждение пальцем и подсовывая Пельменю под нос.

– Ма, хорош, понял...

– Ты знаешь каких трудов мне стоило такую майку достать? Знаешь, что я звонила тете Алене... – заводилась женщина. – А кто теперь за это платить будет? Кто тебе новые тряпки купит? Ты цены вообще видел, наш ты самостоятельный?

Пельмень молчал.

Надоело.

Все равно бабу не перетараторишь.

Хотелось поскорее закончить и пойти хорошенько поспать. Живот давил.

– А вот если бы ты заявление написал, то участковый бы быстро их нашёл! Но нет же, насмотрелся на Настькиных ухажёров и тянет теперь на всякую блатоту. Только ты Сашенька не блатной. И отца не трожь! Он между прочим инвалид и пьёт потому, что мы не можем позволить себе обезболивающее! А вы, что ты, что Настя его за человека не считаете!

Опа.

Батя у Пельменя оказывается не просто алкаш, а ещё и инвалид. И вообще – заливать сливу это про лечение. Прикольнo. Оправдание на все сто.

А батя то шарит, как обрабатывать баб.

Женщина тяжело вздохнула. И всучила Пельменю его одежду.

– Вот в этом и будешь ходить, раз ты у нас блатной и не ценишь труд матери!

Пельмень заметил, что лицо женщины изменилось – пятнами красными пошло. Потом побледнело.

– Так все, шуруй в ванную, а у меня давление скакануло!

Мать взяла аптечку, выгатила пузырёк и сыпанула себе в ладонь жменю валерианки.

– Довели, сил никаких нет, хоть вешайся, – причитала женщина.

Пельмень задерживаться не стал. Пошёл в ванную. Плетясь по общему коридору и лоя на себе взгляды соседей.

– Здрасьте, здрастьте.

Шаркая тапочками остановился у двери ванной, объединённой с туалетом.

Закрыто.

Раздраженно постучал в дверь, торопя. Дверь открылась и на пороге вырос тот самый сосед, сожравший Сашкину сгущенку вчера.

– О, здоров сосед! Кто тебя так разукрасил?

– Упал, – буркнул Пельмень, не испытывая желаний вступить в разговор.

– Понятно... ты это, сосед, если ты в ванную, то особо не приноживайся, твоя вчерашняя сгущёнка не пошла.

Сосед похлопал Пельменя по плечу. Зашёл в ванную, зажимая нос рукой.

Там помылся.

Грязную одежду постирал. Права оказалась матушка – ни майка, ни шорты никуда негодились. Ветошь. Как-то неудобно перед Ириной Игоревной, если смотреть на расклад с такой стороны.

Пока же на весь этаж поднялся ор – вернулся батя. Утро, а инвалид алкаш на рогах, видать после терапии. И судя по воплям матери – пропах женскими духами. Не ожидал видать батек, что жёнушка припрется ни свет, ни заря. Без предупреждения.

– Я ж тебе сучаре такой хер оторву, алкоголик долбаный, – орала женщина так, что слышно на весь этаж. – Совсем нюх потерял. У нас сын покалеченный лежит, мне участковый звонит, а ты хоть бы хны. Нинку свою трахаешь! И сливу заливаешь с утра пораньше!

Пельмень слушал новый скандал, сидя на унитазе. Дурдом, конечно, как здесь до того жил несчастный Пельмененко – загадка. Когда вся семья в сборе – свихнёшься. Орут на весь этаж. Что станет, когда явится сестра, интересно знать. Вообще на фиг поубивают друг друга на пяти квадратах.

– Ты меня когда последний трахал, козел? У меня там засохло уже все, – продолжала орать мать.

Что отвечал батя Пельмень не слышал, если вообще что-то отвечал. Пьяным он едва ворочал языком.

Пельмень поискал туалетную бумагу, но вспомнил, что вместо неё пользуются обыкновенной газетой. Нарезанной квадратиками. И сосед как назло использовал последний клочок. Вот урод и здесь поднастрал.

Дождался, когда лай стихнет. Потом вышел. Идти правда пришлось в одном полотенце, чистые трусы Пельмень как-то не додумался взять.

У входа в ванную встретил бабу Риту. Та фыркнула и зашла в ванную, бросив напоследок что-то типа «сначала жрет вагонами, потом срет тоннами». Понятно, «повесила» на Саню вчерашнее варенье.

– И вам всего хорошего, – кинул вдогонку Пельмень, оправдываться не стал.

Медленно поплёлся в свою квартиру, где страсти между родителями улеглись. И как выяснилось перешли в новую фазу – мать сидела на коленках у в зюю пьяного отца и гладила его по голове.

– Пошли я тебя покормлю, мой сладенький, что ты хочешь кушать? – приговаривала.

Саня остановился, посмотрел на «своих» родителей, пожал плечами.

Бывает.

Мать повела батю на кухню, придерживая под локоток. Чему Пельмень только обрадовался, следовало переодеться, а святить толстой жопой пусть даже перед родаками – не кайф.

Родители вышли.

Пельмень надел свежие трусы.

Ну и решил не изменять привычкам своего прежнего тела. Утро «Зверя из преисподней» начиналось с зарядки. А сейчас 7 утра – самое время размяться.

Включил радио, там под руку вещал Владимир Семёнович:

Вдох глубокий, руки шире,
Не спешите, три-четыре!
Бодрость духа, грация и пластика.
Общеукрепляющая,
Утром отрезвляющая
(Если жив пока ещё) гимнастика!

Пельмень встал, подергался, делая взмахи. Сделал вращательные движения головой, шею разминая. Потом попытался отжаться. В былые времена он делал разминку, включавшую три повтора по 20 отжиманий с хлопками. Что сейчас получится вымучить – проверим опытным путём.

Началось дрянно – Пельмень вдруг понял, что со своей нынешней комплекцией оказаться на полу животом вниз – уже проблема. Ноги у Пельмененко настолько толстые, что сесть на присядки как-то совершенно не выходит.

Почесал репу.

На помощь пришла смекалка.

Сел на кровать, оттуда уже сполз на пол. На живот перекатился морским тюленем и упёрся ладонями в пол.

Ну ка...

Погнали...

Упор!

А вот хренушки.

Как не пыжился Саня, как не пытался выпрямиться на ладонях и встать в упор – ничего не выходило. А вдовесок Пельмень смачно бзданул, обессилев.

Встать в упор, не то что даже отжаться, оказалось проблемой, и как, спрашивается приводить себя в надлежащую форму, если элементарные упражнения недоступны.

Полежав с минуту, Саня предпринял последнюю попытку занять положение для отжиманий. Оттолкнулся от пола, чувствуя как ходуном заходила каждая мышца. Покраснел, руки от напряжения затряслись в локтях.

– Давай давай давай...

Медленно но верно тело приподнялось от пола. Дрожь в руках усиливались, но тело миллиметр за миллиметром поднималось все выше от полу. Пельмень часто задышал, чувствуя нехватку кислорода. Услышал долбящий в висках пульс.

Вот... почти... чуть-чуть осталось.

До того, как выпрямиться полностью осталось приложить одно усилие. Собраться и первая победа в кармане.

Не тут то было.

В тишине раздался глухой хлопок.

ПУХ!

И Пельмень, державшийся на последнем издыхании, грузно упал на пол.

Сука!

Он медленно поднял взгляд на источник шума. И первым, что увидел стали длинные женские ноги. А какие же сука стройные! Он поднимал голову выше, а ноги эти как будто бы не кончались, настолько длинные. Потом появилась коротюсенькая юбочка и... Пельмень слотнул, облизывая вмиг пересохшие губы. Он смотрел снизу вверх, потому увидел белоснежные

трусики. Белые пребелые, в которые сразу в нескольких местах вонзились чёрные короткие лобковые волоски.

Ой мамочки.

– Привет дурень, хера разлётся? И куда ты пялишься?

От трусиков-такипришлось отвести взгляд, как бы не хотелось. Пельмень не сразу сообразил, что перед ним стоит его «сестра». Личико круглое, милое, густая чёрная челка, ярко накрашенные красным губы, ресницы длинные. А ещё – грудь. Как минимум полноценного третьего размера. Соски стоят, оттопыривая яркий зелёный топик.

– Привет, – ответил он изменившимся голосом.

Сестра то у Пельменя оказывается секс бомба!

– Вставай давай, итак живем в конуре, а у тебя такая жирная жопа, что ты все место занимаешь!

Наглая.

Жуёт жвачку.

Сестра, сексуально покачивая бёдрами, прошла к тумбе у кровати Пельменя, поставила сумку.

Пельмень почувствовал запах ее духов. Хотя это наверное даже не духи были, от неё так и разило сексом. Почувствовал, как твердеет его кочерыжка в трусах. Вот блин, неудобно получается – это выходит у него на сестру встал.

– Я не поняла, мать дома? – Настя увидела ее сумку.

Заглянула в неё, порылась, ничего интересного не нашла. Но положила туда деньги. Несколько купюр.

– Дома, – буркнул Пельмень.

– А папаша?

– Тоже.

– Не вовремя я заскочила. Папка пьяный?

– Угу.

– Вот козел, угробит нам мать. Говорила же ему не пить, когда мамка дома.

Настя подошла к окну, открыла, высунулась едва ли не наполовину и замахала рукой, следом отправила воздушный поцелуй.

С улицу надрывалась Комбинация.

«Твоя вишневая девятка
Меня совсем с ума свела
Твоя вишневая девятка
Покой мой напрочь отняла
Твоя вишневая девятка
Опять сигналил за окном
Твоя вишневая девятка
Ты полюби ее потом...»

Юбочка Настьки приподнялась и Саня вновь увидел аппетитный холмик – сестра носила стринги. Взгляд отвести не вышло.

– Ты кому машешь? – попытался отвлечься Пельмень.

– Алексею, купил новую тачку.

– Вишневая девятка, угадал?

– Канеш.

Пух!

Настя снова надула и лопнула пузырь. Обернулась, извилась, поправляя поднявшуюся юбочку. Потом вытащила жвачку изо рта, сунула в первый попавшийся клочок бумаги и всучила Саше.

– Выкинешь, братик?

– Выкину.

Пельмень кое как справился со стояком и теперь сидел на полу. Вставать не торопился – после потуг с отжиманиями тупо не осталось сил.

– Полотенце твоё? – Настя взяла вафельное полотенце в котором пришёл Пельмень ноготками указательного и большого пальцев. – Чистое?

– Я обернулся, когда из ванной выходил.

– Не дрочил? – она повертела полотенце, критически осматривая. – Нигде его не обкончал?

– Я так то таким не занимаюсь, – возмутится Пельмень. – Я даже им не вытирался, если че.

– Понятно все с тобой, я в душ. Если мать придёт, пока меня не будет, скажи, что я вернула ей 50 рублей. А то она меня задолбала этими копейками! Мы с Лехой в день больше тратим!

С этими словами сестра сняла с себя свою юбочку и топик, оставшись в трусиках. Грудь у Настьки оказалась крепкого третьего размера, стоячая. Обернулась полотенцем.

Понятно все – особенности жития в коммуналке – они такие, но что б прям ТАКИЕ, блин...

– Отвернись дурында, хватит на меня пялиться, ты правила забыл? Или где мне по твоему переодеваться?

Трусики она сняла уже потом. И кинула в лицо Пельменю. Хрен его знает как тут по правилам принято, но трусики так и повисли на лице Сани.

– У-у... – выдавил Пельмень что-то нечленораздельное.

Снимать трусики с лица как-то не торопился. Сестра выскочила из комнаты в общий коридор к ванной.

А Пельмень, наверное, так бы и сидел на полу тесной коммуналки, но в этот момент зазвонил телефон, висевший у входной двери на стене.

Звук такой противный главное.

В комнатухе помимо Пельменя никого не было и трубку пришлось снимать ему. Телефон трезвонил и выключаться не собирался. Звонивший оказался настырным. Пельмень заставил себя подняться, и шаркая ногами поплёлся к телефону. Снял трубку.

– Але.

Из динамика послышалось кратковременное шуршание, а потом кто-то включил запись:

«Ты уедешь скоро
Опустеет шумный город
После нашей ссоры
Может прав ты, я не спору
В том, что разбились мечты
Не виноваты цветы
Жёлтые тюльпаны, о-у-о
Жёлтые тюльпаны...».

Дебилы, блин. Пельмень послушал куплет и положил трубку.

Через минуту телефон зазвонил снова. Но на этот раз Сашка выключил провод из штекера.

Одни орут.

Вторая сиськами вертит перед носом.

Третьи названивают. Наверное какой-нибудь тайный воздыхатель Насти.

Чокнуться можно в этой коммуналке.

Пока никто не вернулся, Пельмень порылся в своих вещах, нашёл новые шорты и майку, нарядил на себя. Надо валить в ДЮСШ, куда он так и не дошёл вчера.

Завтракать Сашка не стал – ограничился стаканом выпитой воды. Все – теперь жесткая строжайшая диета. Ее тоже следует раскисать и закупиться продуктами.

Глава 6

*«Моему организму так необходимы
Амино-витамины: В, С, А и протешны
Моего тестостерона хватит каждому
Маечки на девочках давно уже влажные.»*

Джиган

Местной спортивной школой оказалось ДЮСШ-3. Здесь готовили пацанят по стрельбе. Выполнение нормативов, соревнования, все дела. Понятно, что стрельба – это не смешанные единоборства (хотя в нынешнее время надо ещё разобраться, что лучше – кулак или ствол). Однако в одном здании со ДЮСШ располагался клуб «Боевые перчатки», где как раз нашлась секция бокса. Ее то, наверное, и имел ввиду Малой, рассказывая о спортивной школе.

Пельмень прибыл на место. Огляделся.

Не место, а кузня кадров какой-нибудь ОПГ. Учишься стрелять в яблочко, следом обучают ломать людям хлебальники. Сашка нисколько бы не удивился, узнай, что так оно и происходит.

Если ДЮСШ-3 занимала центральный вход первого этажа советской высотки, то для того чтобы попасть в «Боевые перчатки», требовалось зайти со двора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.